

2. ЧЕЛОВЕК. РАЗУМ. ВОЛЯ

Как я уже сказал, подчиняясь законам природы, человек ни в коей мере не раб, так как он подчиняется только тем законам, которые присущи его собственной природе, тем же условиям, посредством которых он существует и которые составляют все его существо: подчиняясь им, он подчиняется самому себе.

Однако в лоне самой этой природы существует рабство, от которого человек обязан освободиться, если не хочет отказаться от своей человечности, – это рабство естественного мира, который его окружает и который обычно называют внешней природой. Это совокупность вещей, явлений и живых существ, неотступно преследующих и постоянно окружающих его со всех сторон, без которых и вне которых он, правда, не мог бы прожить ни минуты, но которые тем не менее, как кажется, плетут против него заговор, так что в любой момент своей жизни он вынужден защищать от них свое существование. Человек не может обойтись без этого внешнего мира, так как он может жить только в нем и может питаться только за его счет; и в то же самое время он должен его остерегаться, так как этот мир, как кажется, всегда стремится в свою очередь пожрать его.

Рассматриваемый с такой точки зрения естественный мир представляет нам губительную и кровавую картину ожесточенной и непрерывной борьбы, борьбы за жизнь. Не только человек вынужден бороться: все животные, все живые существа, да что там говорить, – все существующие вещи, несущие в себе, как и человек, хотя и более или менее видимым образом, зародыш своего собственного разрушения, или, если можно так сказать, своего собственного врага – ту самую естественную фатальность, которая их порождает и вместе с тем сохраняет и разрушает, – все они борются против него, причем каждая категория вещей, каждая растительная и животная разновидность живет только тем, что уничтожает все остальные; одно пожирает другое таким образом, что, как я уже сказал в другом месте¹, «естественный мир может рассматриваться как кровавая бойня, как мрачная трагедия, порождаемая голодом. Он представляет собой постоянное поле беспощадной и непрестанной борьбы. Мы не должны задаваться вопросом, почему так происходит, и мы ни в коей мере не несем за это ответственности. Мы находим этот установленный порядок вещей, когда рождаемся на свет. Это наш естественный отправной пункт, и мы не должны делать ничего иного, кроме как устанавливать этот факт и убеждаться в том, что с тех пор, как мир существует, всегда было так и что, по всей вероятности, в животном мире по-иному не будет. Гармония устанавливается здесь борьбой: триумфом одних, поражением и смертью других, страданием всех... Мы не говорим вместе с христианами, что земля – это долина скорби; есть также и удовольствия, иначе живые существа не держались бы так за жизнь. Но мы должны согласиться с тем, что Природа совсем не такая нежная мать, как говорят, и что для того, чтобы жить, чтобы сохранять себя в ее лоне, эти существа нуждаются в особой энергии. Ибо в естественном мире живут сильные, а слабые погибают, и первые живут только потому, что погибают другие*. Таков верховный закон животного мира. Возможно ли, чтобы этот фатальный закон был также законом человеческого и

социального мира?»

* [Те, кто признает существование Бога-творца, не подозревают, какой сомнительный комплимент они делают ему, представляя его как творца этого мира. Как! Всемогущий, всемудрый, всеблагий бог не смог бы сотворить ничего другого, как подобный мир, это страшилище?

Правда, у теологов есть превосходный аргумент для того, чтобы объяснить это возмутительное противоречие. Мир был создан совершенным, говорят они; сначала в нем царил абсолютная гармония, пока человек не согрешил, и разгневанный на него Бог проклял человека и мир.

Это объяснение тем более поучительно, что оно полно нелепостей, а, как известно, в абсурде и состоит вся сила теологов. Всякая религия есть не что иное, как обожествление абсурда.

Итак, совершенный Бог сотворил совершенный мир, но вот это совершенство резко снижается и может навлечь на себя проклятие своего творца; будучи сначала абсолютным совершенством, мир становится абсолютным несовершенством. Как совершенство могло стать несовершенством? На это ответят, что так случилось потому, что мир, хотя и совершенный в момент творения, не был тем не менее абсолютным совершенством, ибо только Бог был абсолютным, совершенным в высшей степени. А мир был совершенен лишь относительно и в сравнении с тем, каков он теперь. Но зачем тогда употреблять слово «совершенство», которое совсем не подходит к относительному? Разве совершенство не является непременно абсолютным? Скажите же тогда, что Бог сотворил мир несовершенным, но лучшим, чем мир, который мы видим теперь. Но если он был только лучше нынешнего мира, если он был уже несовершенным в момент творения, он не представлял той гармонии и того абсолютного мира, рассказами о которых господа теологи прожужжали нам уши. И в таком случае мы их спросим: если вы говорите, что »бог создал все, разве не следует судить о нем по его творению, как рабочего по его работе? Творец несовершенной вещи непременно несовершенный творец; если мир был создан несовершенным, то Бог, его творец, непременно несовершенен. Ибо тот факт, что он создал несовершенный мир, не может быть объяснен только его неразумностью, или его немощью, или его злобой.

Но, скажут, мир был совершенным, но только он был менее совершенным, чем Бог. На это я отвечу, что когда речь идет о совершенстве, то нельзя говорить о большем или меньшем совершенстве; совершенство – полно, всецело, абсолютно, или же оно не существует. Следовательно, если мир был менее совершенен, чем Бог, мир был несовершенным; отсюда следует, что Бог, творец несовершенного мира, сам был несовершенным, что он остается несовершенным, что он никогда не был Богом, что Бог не существует.

Для того чтобы спасти существование Бога, господа теологи будут, следовательно, вынуждены согласиться со мной, что созданный им мир был совершенным при творении. Но тогда я задам им два маленьких вопроса. Если, во-первых, мир был совершенным, то как два совершенства могли существовать вне друг друга? Совершенство может быть лишь

единственным в своем роде; оно не терпит дуализма, так как в дуализме одно ограничивает другое и делает его непременно несовершенным. Следовательно, если мир был совершенным, то не было Бога ни над миром, ни также вне его – сам мир был Богом. Второй вопрос. Если мир был совершенным, то каким образом он мог прийти в упадок? Хорошенькое совершенство, если оно может исказиться и исчезнуть! И если признать, что совершенство может прийти в упадок, значит. Бог также может прийти в упадок! Это значит, что Бог существовал, конечно, в воображении верующих людей, но человеческий разум, все более и более торжествующий в истории, его ниспровергает.

Наконец, какой он странный, этот Бог христиан! Он сотворил человека таким образом, чтобы он мог, чтобы он должен был согрешить и пасть. Обладая в числе своих бесчисленных атрибутов всезнанием. Бог не мог не знать, что творит человека, который падет; и раз Бог это знал, человек должен был пасть; в противном случае он дерзко уличил бы во лжи божественное всезнание. Тогда зачем говорят о человеческой свободе? Здесь была фатальность! Повинуясь этому фатальному влечению, – впрочем, самый простодушный отец семейства должен был бы на месте господина Бога это предвидеть – человек падает – и вот божественное совершенство впадает в ужасный гнев, в гнев столь же смешной, сколь отвратительный; Бог проклинает не только тех, кто преступил его закон, но и все человеческое потомство в то время, когда оно еще и не существовало и, следовательно, было абсолютно невинно в грехе наших прародителей; и, не удовлетворившись этой возмутительной несправедливостью, он еще проклинает тот ни в чем не повинный гармоничный мир, который был здесь ни при чем, и превращает его во вместилище преступлений и ужасов, в постоянную бойню. Затем, оставаясь рабом своего собственного гнева и проклятия, изреченного им против людей о мире, против своего собственного творения, что делает он, вспомнив чуть позднее, что он был Богом любви? Ему недостаточно, что он своим гневом наполнил кровью мир; этот кровавый Бог проливает еще кровь своего единственного Сына; он жертвует им под предлогом примирения мира со своим божественным Величеством! И если бы еще это удалось! Но нет, естественный и человеческий мир остается так же раздираемым и окровавленным, как и до этого чудовищного искупления. Отсюда явно следует, что Бог христиан, как и все предшествующие ему боги, есть Бог столь же бессильный, сколь и жестокий, столь же нелеп, сколь и зол.

И подобные нелепости хотят навязать нашей свободе, нашему разуму! И посредством подобных чудовищных вещей стремятся нравственно, морально воспитать, гуманизировать людей! Пусть господина теологи наберутся смелости открыто отказаться от человечности, как и от разума. Недостаточно сказать вместе с Тертуллианом: «Credo quia absurdum – верю во все, что абсурд»; пусть они еще постараются навязать, если могут, нам свое христианство кнутом, как всероссийский царь, кострами, как Кальвин, Святой Инквизицией, как добропорядочные католики, насилиями, пытками и смертью, как это хотели бы также сделать священники всевозможных религий. Пусть они испытают все эти прекрасные средства, но пусть не надеются, что восторжествуют когда-нибудь другим способом.

Что касается нас, то оставим раз и навсегда эти божественные нелепости и ужасы тем, кто безумно верит в возможность еще долго эксплуатировать во имя их народ, трудящиеся массы.]

Увы! Как индивидуальная, так и социальная жизнь человека первоначально представляет собой лишь самое непосредственное продолжение животной жизни. Она есть не что иное, как та же самая животная жизнь, только осложненная новым элементом: способностью мыслить и говорить.

Человек – не единственное умное животное на земле. Более того, сравнительная психология доказывает, что не существует животного, которое бы было совершенно лишено разума, и что, чем более вид по своей организации и особенно по развитию мозга приближается к человеку, тем больше развивается и возвышается его разум. Но только в человеке он достигает того, что называют, собственно говоря, способностью мыслить, то есть сравнивать, разделять и сочетать между собой представления как о внешних, так и о внутренних предметах, которые даны нам нашими чувствами, сочетать их в группы; затем сравнивать и сочетать между собой эти группы, которые уже не являются более ни действительными существами, ни представлениями о предметах, постигаемых нашими чувствами, но отвлеченными понятиями, которые образованы и классифицированы работой нашего разума и которые, будучи удержанными нашей памятью, другой способностью мозга, становятся отправным пунктом или основанием тех выводов, которые мы называем идеями*. Все эти действия нашего мозга были бы невозможны, если бы человек не обладал другой дополнительной и неотделимой от способности мыслить способностью – способностью соединять и фиксировать вплоть до самых тонких и самых сложных вариаций и модификаций, если можно так выразиться, все эти операции ума, все эти материальные действия мозга внешними знаками; если бы, говоря одним словом, человек не обладал способностью говорить. У всех других животных также есть язык, – кто в этом сомневается? – но так же как их разум никогда не поднимается выше материальных представлений или, самое большее, выше самого элементарного сравнения или сочетания друг с другом этих представлений, так же их язык, лишенный организации и не способный проявляться, выражает только ощущения или материальные понятия, но никогда не выражает идеи. Следовательно, я могу сказать, не боясь оказаться опровергнутым, что из всех животных на земле только человек мыслит и говорит.

* Надо было обладать большой дозой теологической и метафизической экстравагантности, чтобы представить себе живую нематериальную душу, заключенную в совершенно материальное тело, тогда как совершенно ясно, что только то, что материально, может заключаться, ограничиваться, содержаться в материальной тюрьме. Надо было обладать твердой верой Тертуллиана, проявившейся в столь знаменитом лозунге: Верю во все, что абсурдно!, чтобы допустить две столь несовместимые вещи – мнимую нематериальность души и ее непосредственную зависимость от материальных изменений, патологических явлений, происходящих в теле человека. Для нас, кто не может верить в абсурд и кто совершенно не предрасположен к обожанию абсурда, человеческая душа – вся эта совокупность аффективных, интеллектуальных и волевых способностей, которые образуют идеальный или духовный мир человека, – есть не что иное, как лишь последнее и самое высшее выражение его животной жизни, совершенно материальных функций совершенно материального органа – мозга. Способность мыслить как формальная потенция, ее степень и ее особая, если можно так сказать, индивидуальная в каждом человеке природа – все это зависит прежде всего от более или менее удачного строения его мозга. Но в дальнейшем эта способность упрочивается здоровьем тела прежде всего, правильной гигиеной и

хорошим питанием; затем она развивается и крепнет посредством рациональных упражнений, воспитания, образования, применения правильных научных методов, так же как сила и мускульная сноровка человека развиваются гимнастикой.

Природа, поддерживаемая главным образом порочной организацией общества, порождает иногда, к несчастью, идиотов, очень тупых человеческих индивидов. Иногда она порождает также гениальных людей. Но как те, так и другие суть всего лишь исключения. Огромное большинство человеческих индивидов рождаются равными или примерно равными: несомненно, не одинаковыми, но равноценными в том смысле, что в каждом из них недостатки и достоинства приблизительно компенсируют друг друга так, что если рассматривать их в совокупности, то один человек оказывается равноценным другому. Только воспитание порождает огромные различия, которые нас ныне приводят в отчаяние. Отсюда я заключаю, что для того, чтобы установить равенство людей, необходимо непременно установить его в воспитании детей.

[До сих пор я говорил только о формальной способности постигать мысли. Что касается самих мыслей, которые составляют суть нашего умственного мира и которые метафизики рассматривают как спонтанные и чистые творения нашего ума, то следует сказать, что по своему происхождению они суть не что иное, как простые, сначала, естественно, очень несовершенные, установления естественных и социальных фактов, а также еще менее разумные выводы из этих фактов. Таким было начало всех человеческих представлений, воображений, галлюцинаций и идей, откуда видно, что содержание нашего мышления, будучи далеким от того, чтобы выступать, как сотворенное, совершенно спонтанным действием врожденного ума или врожденного сущего, как это утверждают еще сегодня метафизики, дано нам было с самого начала миром действительных как внешних, так и внутренних вещей и фактов. Ум человека, то есть работа, или действительная деятельность его мозга, вызванная ощущениями, которые передают ему нервы, привносит сюда только совершенно формальное действие, состоящее в том, чтобы сравнивать и сочетать эти вещи и факты в верные или ложные системы: верные, если они соответствуют действительному порядку, присущему вещам и фактам; ложные, если они ему противны. Выработанные таким образом идеи уточняются и фиксируются посредством слова в уме человека и передаются от одного человека к другому так, что индивидуальные понятия о вещах, индивидуальные идеи каждого, встречаясь друг с другом, контролируя друг друга и взаимно изменяясь, а затем смешиваясь, соединяясь друг с другом в одной системе, приходят к формированию общего самосознания, или более или менее распространенного коллективного мышления общества людей – мышления, которое постоянно изменяется и продвигается вперед новыми трудами каждого индивида; эта совокупность представлений и мыслей, передаваемая традицией от одного поколения к другому, еще больше обогащаемая и распространяемая коллективной работой веков, образует в каждую историческую эпоху в более или менее пространной социальной среде коллективное достояние всех индивидов, составляющих эту среду.

Каждое новое поколение находит в своей колыбели мир идей, представлений и чувств, которые переданы ему в форме общего наследия умственной и нравственной работой всех прошлых поколений. Сначала этот мир не представляется новорожденному в его идеальной форме как система представлений и идей, как религия, как доктрина; ребенок был бы

неспособен воспринять его в такой форме; этот мир навязывается новорожденному как мир фактов, воплощенный и осуществленный в окружающих его лицах и вещах и воздействующий на его чувства посредством того, что он понимает, и того, что он видит с первых дней после своего рождения, ибо человеческие идеи и представления, которые первоначально суть лишь произведения естественных и социальных фактов – в том смысле, что сначала они были лишь отзвуком или рефлексией в мозгу человека и, если можно так выразиться, идеальным и более или менее разумным воспроизведением этим совершенно материальным органом человеческой мысли, – приобретают позднее, после того как они вполне оформились в коллективном самосознании какого-либо общества, причем способом, который я только что объяснил, способность в свою очередь становиться производительными причинами новых, не естественных, собственно, но социальных фактов. Они изменяют человеческое существование, человеческие привычки и учреждения – одним словом, все отношения, которые существуют между людьми в обществе, и, воплотившись в самые обычные факты и вещи жизни каждого, они становятся ощутимыми и очевидными для всех, даже для детей. Таким образом, каждое новое поколение проникается ими с самого раннего своего детства; а с достижением зрелого возраста, когда начинается настоящая работа его собственной мысли, мысли закаленной, натренированной и непременно сопровождаемой новой критикой, это поколение находит как в самом себе, так и в окружающем его обществе целый мир установившихся мыслей и представлений, которые служат ему отправным пунктом и дают ему своего рода ткань или первичный материал для его собственной нравственной и умственной работы. В их числе есть традиционные и общие представления, которые метафизики ложно называют врожденными идеями, будучи введенными в заблуждение тем совершенно неощутимым и невоспринимаемым способом, которым они, придя извне, проникают в мозг детей и запечатлеваются в нем еще до того, как дети доходят до самосознания.

Но наряду с этими общими идеями, такими, как идея Бога или души, идеями абсурдными, но вместе с тем санкционированными всеобщим невежеством и тупостью веков, против которых даже сегодня еще нельзя было бы высказаться открыто и на популярном языке, не рискуя попасть под преследование буржуазного лицемерия, наряду с этими совершенно отвлеченными идеями юноша встречает в обществе, в котором он развивается, и вследствие влияния, оказываемого этим обществом на его детство, он находит в самом себе множество других идей, которые намного больше направлены на природу и на общество, – идей, которые ближе затрагивают действительную жизнь человека, его повседневное существование. Таковы мысли о справедливости, об обязанностях, об общественных обычаях, о правах каждого, о семье, о собственности, о Государстве и еще множество Других, более частных идей, которые регулируют отношения людей между собой. Все эти идеи, которые человек находит воплощенными в своем собственном уме посредством воспитания, которому он подвергся в детстве, независимо от всякого спонтанного действия этого разума, идеи, которые в момент, когда человек доходит до самосознания, представляются ему как идеи общепринятые и освященные коллективным сознанием общества, в котором он живет, – все эти идеи были произведениями, как я сказал, коллективной умственной и нравственной работы поколений. Каким образом они были произведены? Посредством установления и своеобразного признания совершившихся фактов, ибо в практических проявлениях человечества, а также в науке в собственном смысле слова совершившиеся факты всегда предшествуют идеям, что еще раз доказывает,

что самое содержание человеческого мышления, действительная его суть отнюдь не есть спонтанное творение ума, но всегда дано осмысленным испытанием действительных вещей.]

Только человек одарен способностью отвлечения, которая, несомненно упрочившись и развившись в человеческом роде работой веков, последовательно возвысив его в самом себе, то есть в его мышлении, причем только посредством абстрагирующего действия его мышления над всеми объектами, которые его окружают, и даже над самим собой в качестве индивида и вида, позволяет ему постигать или творить идею Тотальности существ, Мироздания и абсолютной Бесконечности, – идею совершенно отвлеченную, лишенную всякого содержания и, как таковую, несомненно тождественную идее Ничто, но которая тем не менее продемонстрировала всемогущество в историческом развитии человека, так как, будучи одной из основных причин его завоеваний и в то же время всех его последующих бредней, его несчастий и его преступлений, она вырвала его из мнимого блаженства животного рая, с тем чтобы бросить его в бесконечные победы и муки безграничного развития.

Благодаря этой способности отвлечения человек, возвышаясь над непосредственным давлением, которое оказывают на индивида внешние объекты, может сравнивать их друг с другом и наблюдать их взаимоотношения: вот начало анализа и экспериментальной науки. Благодаря той же самой способности человек, если можно так выразиться, раздваивается, и, отделившись от себя в себе самом, он в некотором роде возвышается над своими собственными внутренними движениями, над ощущениями, которые он испытывает, поднимающимися в нем инстинктами, позывами, желаниями, а также над аффективными стремлениями, которые он испытывает; это дает ему возможность сравнивать их друг с другом, так же как он сравнивает внешние объекты и внешние движения, и вступаться за одних против других в соответствии с идеалом справедливости и блага или в соответствии с доминирующим чувством, которое развили и упрочили в нем влияние общества и особые обстоятельства. Эта способность вступаться в пользу одной или нескольких движущих сил, которые действуют в нем в определенном направлении против других также внутренних и определенных движущих сил, называется волей.

Таким образом объясненные и понятые ум человека и его воля не представляются более как способности совершенно автономные, независимые от материального мира и способные, творя – один из мышления, другая – из спонтанных актов, разорвать фатальное сцепление действий и причин, составляющих универсальную мировую взаимосвязь миров. Напротив, и то и другое представляются как силы, независимость которых исключительно относительна, потому что точно так же, как мускульная сила человека, эти силы или способности нервов образуются в каждом индивиде стечением внешних, материальных и социальных, обстоятельств, влияний и действий, совершенно независимых и от его мышления, и от его воли. И точно так же, как мы должны отбросить возможность того, что метафизики называют спонтанными идеями, мы должны отбросить спонтанные акты воли, свободную волю и нравственную ответственность человека в теологическом, метафизическом и юридическом смысле этого слова.

Если при своем рождении и на протяжении всего своего развития, своей жизни каждый человек представляет собой лишь равнодействующую бесчисленного множества действий, обстоятельств и бесчисленных материальных и социальных условий, которые продолжают творить его, пока он жив, то откуда у него, представляющего мимолетное и едва заметное звено в мировом сцеплении всех прошлых существ, могла бы появиться способность разорвать произвольным актом эту вечную и всемогущую взаимосвязь, единственное мировое и абсолютное сущее, которое действительно существует, но которое никакое человеческое воображение не могло бы охватить? Признаем же раз и навсегда, что перед лицом этой универсальной природы, нашей матери, которая нас создает, нас растит, нас кормит, нас окружает, пронизывает нас до мозга костей и до самых интимных глубин нашего умственного и нравственного существа и которая всегда в конце концов душист нас в своем материнском объятии, нет для нас ни независимости, ни возможности бунта.

Правда, посредством познания и сознательного применения законов природы человек постепенно освобождается, но не от этого мирового гнета, который вместе с ним испытывают все живые существа и все вещи, которые существуют, возникают и исчезают в мире; он освобождается только от грубого давления, которое оказывает на него его внешний, материальный и социальный мир, включая все окружающие его вещи и людей. Он господствует над вещами посредством науки и труда; что касается незаконного гнета людей, то он опрокидывает его посредством революций. Таков, следовательно, единственный рациональный смысл слова свобода: это господство над внешними вещами, основанное на почтительном наблюдении законов природы; это независимость перед лицом деспотических претензий и деяний людей; это наука, труд, политический бунт; это, наконец, одновременно сознательная и свободная организация социальной среды в соответствии с естественными законами, присущими всякому человеческому обществу. Первым и последним условием этой свободы всегда остаются, следовательно, самое полное подчинение всемогуществу природы, нашей матери, а также наблюдение и самое строгое применение ее законов.

Никто не говорит о свободной воле животных. Все согласны в том, что в любой момент своей жизни и в каждом из их действий животные детерминированы причинами, независимыми от их мышления и их воли; что они фатально следуют импульсам, которые получают как от внешнего мира, так и от своей собственной внутренней природы; что, одним словом, у них нет никакой возможности прервать своими идеями и спонтанными действиями своей воли мировое течение жизни и, следовательно, для них не существует никакой, ни юридической, ни нравственной, ответственности*. Однако все животные одарены и разумом и волей. Между этими способностями животных и соответствующими способностями человека есть лишь количественное различие, различие в степени. Почему же мы объявляем человека безусловно ответственным, а животное безусловно безответственным?

* Эта идея нравственной безответственности животных принимается всеми. Но она не соответствует во всех пунктах истине. Мы можем в этом убедиться на каждодневном опыте в наших отношениях с прирученными и дрессированными животными. Мы их выращиваем, не имея в виду их собственную полезность и их собственные нравственные качества, но исходя из наших интересов и наших целей; мы их приучаем сдерживать свои инстинкты, свои желания, владеть ими, то есть мы развиваем в них внутреннюю силу, которая есть не

что иное, как воля. И когда они действуют вопреки навыкам, которые мы хотели им придать, мы их наказываем; следовательно, мы их рассматриваем, мы их трактуем как существа ответственные, способные понять, что они нарушили закон, который мы им навязали, и мы подводим их под своего рода домашнюю юрисдикцию. Одним словом, мы обращаемся с ними, как христианский Господь Бог обращается с людьми – с той только разницей, что мы это делаем для нашей пользы, а он – для своей славы; мы – для того, чтобы удовлетворить свой эгоизм, он – для того, чтобы удовлетворить и накормить свое безграничное тщеславие.

Я думаю, что ошибка состоит не в этой идее ответственности, которая действительно существует не только для человека, но также для всех животных без какого-либо исключения, хотя и при различной степени для каждого; она состоит в безусловном смысле, который придает человеческой ответственности наше человеческое тщеславие, поддерживаемое теологической или метафизической аберрацией. Вся ошибка – в слове безусловный. Человек не является безусловно ответственным, а животное – безусловно безответственным. Ответственность как одного, так и другого относительна степени рефлексии, на которую они способны.

Мы можем принять в качестве общей аксиомы, что то, что не существует в животном мире, хотя бы в зародышевом состоянии, не существует и никогда не возникнет в человеческом мире, ибо человечество есть не что иное, как высшая степень развития животного состояния на земле. Следовательно, если бы не было ответственности животного, не было бы никакой человеческой ответственности, так как человек подчинен безусловному всемогуществу природы, точно так же как самое несовершенное животное на земле; таким образом, с безусловной точки зрения и животные и человек равно являются безответственными.

Но относительная ответственность несомненно существует во всех степенях животной жизни; незаметная у низших видов, она становится уже очень резко выраженной у животных, одаренных высшей организацией. Животные растят своих детей, они развивают в них на свой манер разум, то есть понимание или знание вещей и волю, то есть ту способность, ту внутреннюю силу, которая позволяет нам сдерживать наши инстинктивные движения; они даже наказывают с отеческой нежностью неповиновение своих детенышей. Следовательно, даже у животных есть начало нравственной ответственности.

Следовательно, так же как разум, воля не есть мистическая, бессмертная и божественная искра, чудесным образом упавшая с неба на землю для того, чтобы оживить части тела, трупы. Это – продукт организованного и живого тела, продукт животного организма. Самый совершенный организм – это организм человека, и, следовательно, именно в человеке находятся относительно наиболее совершенные разум и воля, особенно способные к совершенствованию, к прогрессу.

Воля, так же как разум, – это нервная способность животного организма, а особым органом ее выступает главным образом мозг, так же как физическая или собственно животная сила есть мускульная способность того же организма, и, хотя она распространена по всему телу, ее активными органами выступают главным образом ноги и руки. Нервная деятельность, которая составляет в сущности разум и волю и которая материально отличается как по

своей особой организации, так и по своему объекту от мускульной деятельности животного организма, так же, однако, материальна, как и последняя. Мускульная, или физическая, сила и нервная сила, или сила разума и сила воли, имеют то общее, что, во-первых, каждая из них зависит прежде всего от организации животного, организации, которую оно приносит с собой при рождении и которая есть, таким образом, продукт множества обстоятельств и причин, которые по отношению к животному суть не только даже внешние, но и предшествующие, и что, во-вторых, все они способны развиваться гимнастикой или воспитанием, а это нам их еще раз представляет как продукты, внешних влияний и действий.

Ясно, что, будучи как по своей сущности, так и по своей интенсивности не чем иным, как продуктами совершенно независимых от них причин, все эти силы обладают лишь совершенно относительной независимостью в лоне той мировой причинности, которая составляет и охватывает миры. Что такое мускульная сила? Это материальная способность какой-нибудь интенсивности, которая образуется в животном стечением предшествующих влияний или причин и которая позволяет ему в данный момент противопоставить давлению внешних сил какое-нибудь не безусловное, а относительное сопротивление.

Безусловно так же обстоит дело с нравственной силой, которую мы называем силой воли. Все виды животных одарены ею в различной степени, причем это различие определяется в первую очередь особенной природой их организма. Среди всех животных на земле человеческий вид одарен ею в высшей степени. Но в самом этом виде все индивиды не обладают при рождении равной волевой способностью, так как более или менее развитая способность желать предопределена в каждом индивиде здоровьем и нормальным развитием его тела, и особенно более или менее удачным строением его мозга. Следовательно, здесь с самого начала есть различие, за которое человек ни в коей мере не является ответственным. Виновен ли я, если природа одарила меня внутренней способностью желать? Самые ярые теологи и метафизики не смеют сказать, что то, что они называют душами, то есть совокупностью аффективных, умственных и волевых способностей, которые каждый индивид приносит с собой при рождении, равно.

Правда, способность желать, равно как и все другие способности человека, может быть развита воспитанием и подходящей для него гимнастикой. Эта гимнастика понемногу приучает детей сначала не проявлять немедленно наималейшие из своих впечатлений или более или менее сдерживать реактивные движения своих мускулов, когда они возбуждены как внешними, так и внутренними ощущениями, которые передаются им нервами; позднее, когда в ребенке образуется определенная степень рефлексии, развитая также подходящим для него воспитанием, та же гимнастика, приобретя в свою очередь более или менее обдуманый характер, призвав на помощь рождающийся разум ребенка и основываясь на определенной степени развившейся в нем силы воли, приучает его подавлять непосредственное проявление своих чувств и желаний и, наконец, подчинять все произвольные движения своего тела, а также то, что называют его душой, самое его мышление, его слова и его действия преобладающей благой или дурной цели.

Развитая таким образом и натренированная воля человека есть, очевидно, снова не что иное, как продукт внешних по отношению к ней и воздействующих на нее влияний, которые

определяют и формируют ее независимо от ее собственных решений. Можно ли человека представить ответственным за хорошее или плохое, достаточное или недостаточное воспитание, которое ему дали?

Правда, когда в юноше или молодом человеке выработается привычка думать или желать, выработается благодаря воспитанию, которое он получил извне, благодаря определенной степени развития, благодаря тому, что до некоторой степени оформилась внутренняя сила, тождественная отныне его существу, он может сам продолжить свое образование и даже нравственное воспитание посредством, если можно так выразиться, спонтанной гимнастики своего мышления и даже своей воли, равно как и своей мускульной силы – спонтанной в том смысле, что она уже больше не направляется и не определяется только внешними желаниями и действиями, но направляется и определяется также внутренней силой мысли и воли, которая, сформировавшись и упрочившись в нем посредством прошлого действия этих внешних причин, в свою очередь становится более или менее активной и мощной движущей силой, в некоторой степени творцом, независимым от вещей, идей, желаний и действий, которые непосредственно его окружают.

Человек может таким образом стать до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя. Но очевидно, что тем самым он завоевывает лишь совершенно относительную независимость, которая ни в коей мере не избавляет его от фатальной зависимости, или, если хотите, безусловной мировой взаимосвязи, посредством которой он, как существующее и живое существо, бесповоротно включен в цепь естественного и социального мира, продуктом которого он есть и в котором он, как и все, что существует, раз став следствием и всегда им оставаясь, в свою очередь становится относительной причиной относительно новых продуктов.

Позднее у меня будет случай доказать, что самый развитый в отношении разума и воли человек оказывается по отношению ко всем своим чувствам, своим идеям и своим желаниям в квазибезусловной зависимости от естественного и социального мира, который его окружает и который в любой момент его существования определяет условия его жизни. Но даже сейчас, в момент, в котором мы оказались, ясно, что нет места для человеческой ответственности в том виде, как ее понимают теологи, метафизики и юристы.

Мы видели, что человек ни в коей мере не ответствен ни за степень умственных способностей, которые он приносит с собой при рождении, ни за уровень хорошего или плохого воспитания, который эти способности приобрели до возраста возмужания или по крайней мере до брачного возраста. Но вот теперь мы оказались в момент, когда человек, сознающий самого себя и оснащенный благодаря воспитанию, полученному им свыше, уже обстрелянными умственными и нравственными способностями, становится некоторым образом дворцом самого себя, могущим, очевидно, развивать, распространять и упрочивать свой разум и свою волю. Виноват ли тот, кто, находя эту возможность в самом себе, не воспользовался ею?

И как он мог бы сделать это? Очевидно, что в момент, когда он должен и может принять решение работать над собой, он не начал еще эту спонтанную внутреннюю работу, которая

сделает из него в некоторой степени творца самого себя и продукт своего собственного воздействия на себя, в этот момент он есть еще не что иное, как лишь продукт действий другого или внешних влияний, которые подвели его к этому моменту; следовательно, решение, которое он примет, будет зависеть не от силы мысли и воли, которая придается ему самому, так как его собственная работа еще не началась, но от силы мысли и воли, которая ему будет придана как посредством его природы, так и посредством воспитания, независимо от его собственных решений; и какое бы решение он ни принял, хорошее или плохое, оно будет еще лишь следствием или непосредственным продуктом этого воспитания и этой природы, за которые он ни в коей мере не несет ответственности; отсюда следует, что это решение совершенно не может подразумевать ответственности индивида, который его принимает*.

* Представим себе двух молодых людей, обладающих разными натурами, получивших разное воспитание, или только две разные натуры, получившие одинаковое воспитание. Один принимает мужественное решение, если воспользоваться любимым выражением г. Гамбетты; другой не принимает никакого решения или принимает плохое решение. Есть ли в этом, в юридическом смысле этих слов, заслуга со стороны первого и ошибка со стороны второго? Да, если вы согласитесь со мной, что эта заслуга и эта ошибка в равной степени произвольны, в равной степени суть продукты комбинированного и фатального действия природы и воспитания и что они, следовательно, составляют: одно – не заслугу в собственном смысле слова, а другое – не ошибку в том же смысле, но два факта, два различных результата, один из которых соответствует тому, что в данный момент истории мы называем истинным, справедливым и добрым, а другой соответствует тому, что в данный исторический момент считается ложью, несправедливостью и злом. Продолжим этот анализ дальше. Возьмем двух молодых людей, одаренных примерно равными природами и получивших одно и то же воспитание. Предположим, что, находясь также в примерно равном общественном положении, они оба приняли хорошее решение. Один удерживается и развивается все более и более в направлении, которое он сам себе наметил. Другой отворачивается от него и терпит неудачу. Почему? Каков смысл этого различия в исходе дела? Его нужно искать либо в различии их природы и их темпераментов, каким бы неуловимым это различие ни могло сначала показаться; либо в неравенстве, которое уже существовало между степенью умственной и нравственной силы, приобретенной каждым из них в момент, когда оба они начали свое свободное существование; либо, наконец, в различии их социальных условий и обстоятельств, которые повлияли позднее на существование и на развитие каждого из них; так как у всякого следствия есть причина, отсюда ясно следует, что в любой момент своей жизни, что в каждой из своих мыслей, в каждом из своих поступков человек со своим сознанием, своим разумом и своей волей всегда определен множеством как внешних, так и внутренних, но в равной мере независимых от него действий и причин, которые приобретают над ним фатальное, неумолимое господство. Где же тогда его ответственность?

У человека нет воли; от этого ему становится стыдно и ему говорят, что он должен иметь ее, что он должен дать себе волю. Но как он даст ее? Актом своей воли? Это значит, что у него должна быть воля иметь волю; это образует несомненно порочный круг, абсурд.

Но, скажут, отрицая принцип ответственности человека или же устанавливая факт человеческой безответственности, не разрушаете ли вы основы всякой нравственности? Это опасение и этот упрек совершенно справедливы, если речь идет о теологической и метафизической нравственности, о той божественной нравственности, которая служит если не основой, то по крайней мере освящением и объяснением юридического права. (Позднее мы увидим, что экономические факты составляют единственные действительные основы этого права.) Эти опасения и упреки несправедливы, если речь идет о чисто человеческой и общественной нравственности. Эти две нравственности, как мы увидим позднее, исключают друг друга; первая в идеале есть не что иное, как фикция, а в действительности – отрицание второй, а последняя может восторжествовать лишь посредством радикального разрушения первой. Следовательно, будучи далеким от страха разрушить теологическую и метафизическую нравственность, которую я рассматриваю как исторически естественную, а равно и фатальную ложь, я, напротив, призываю к этому разрушению всеми своими желаниями, и у меня есть глубокое убеждение в необходимости всячески содействовать этому по мере своих сил.

Скажут еще, что, нападая на принцип человеческой ответственности, я подрываю первооснову человеческого достоинства. Это было бы совершенно справедливо, если бы это достоинство состояло в исполнении невозможных, сверхчеловеческих ловких штук, а не в полном теоретическом и практическом развитии всех наших способностей, а также в полном и возможном осуществлении назначения, которое нам намечено и, если можно так выразиться, нам навязано нашей природой. Человеческое достоинство и личная свобода, как их понимают теологи, метафизики и юристы, достоинство и свобода, основанные на внешне столь надменном отрицании природы и всякой естественной зависимости, приводят нас логически и прямо к установлению божественного деспотизма, отца всех человеческих деспотизмов; теологическая, метафизическая и юридическая фикция человеческого достоинства и человеческой свободы имеет своим фатальным следствием действительное рабство и действительное падение людей на земле. Наоборот, материалисты, принимая за отправной пункт фатальную зависимость людей от природы и ее законов и, следовательно, естественную безответственность, непременно приходят к ниспровержению всякого божественного авторитета, всякой человеческой опеки и, следовательно, к установлению действительной и полной свободы для каждого и для всех. В этом состоит причина, почему все реакционеры, начиная с самых деспотических суверенов и кончая по видимости самыми революционными буржуазными республиканцами, оказываются ныне столь горячими сторонниками теологического, метафизического и юридического идеализма и почему сознательные и искренние социалисты-революционеры подняли знамя материализма.

Но ваша теория, скажут нам, объясняет, оправдывает, узаконивает и поощряет все пороки, все преступления. Да, она их объясняет; она их узаконивает в том смысле, что она показывает, как преступления и пороки выступают естественными следствиями естественных причин. Но она их совершенно не поощряет; напротив, только самым широким приложением этой теории к организации человеческого общества можно будет их побороть и искоренить, нападая не столько на затронутых ими индивидов, сколько на естественные причины, естественными и фатальными продуктами которых являются эти пороки и преступления.

А вот, скажут, два человека: у одного полно достоинств, у другого полно недостатков; первый – честный, умный, справедливый, очень внимательный наблюдатель всех человеческих дел, уважающий все права; второй – вор, бандит, наглый лжец, циничный нарушитель всего, что свято для людей; и в политической жизни один – республиканец, а другой – Наполеон III, Муравьев или Бисмарк. Можете ли высказать, что между ними нет никакой разницы?

Нет, я этого не скажу. Но эту разницу я вижу уже в своих обыденных отношениях с животным миром. Есть животные исключительно отвратительные, вредные, другие – очень полезные и очень благородные. У меня антипатия и явное отвращение к одним и большая симпатия к другим. И однако, я хорошо знаю, что не вина жабы, если она – жаба; не вина ядовитой змеи, что она – ядовитая змея; не вина свиньи, если она находит огромное удовольствие в том, чтобы валяться в грязи; но также не собственная заслуга лошади в произвольном значении этого слова, если это – хорошая лошадь; не заслуга собаки, если это умное и преданное животное; но это совершенно не мешает мне раздавить пресмыкающегося и загонять свинью в грязь, ни любить, ни очень ценить лошадь и собаку.

Скажут, что я не прав? Отнюдь нет. Я признаю, что одни, если их рассматривать с точки зрения природы или мировой причинности также невиновны в том, что я называю их недостатками, равно как другие неответственны за их достоинства. В естественном мире нет ни достоинств, ни недостатков в нравственном смысле этого слова, но есть лишь более или менее хорошо или плохо развитые естественные свойства у различных животных видов и разновидностей, а также у каждого индивида в отдельности. Заслуга животного индивида состоит единственно в том, что он – вполне удачный экземпляр, полностью развитый в своем виде и в своей разновидности; и единственная заслуга двух последних состоит в принадлежности к относительно высокому порядку организации. У животного индивида недостаток тогда, когда оно есть малоудачный, не полностью развитый экземпляр; а для разновидности и вида это значит принадлежать к низшему порядку. Если змея, относящаяся к исключительно ядовитому классу, была бы малоядовитой – это был бы, следовательно, недостаток; если бы она была более ядовитой – это было бы достоинство.

Устанавливая между животными различных видов своего рода юридическое различие, объявляя одних отвратительными, антипатичными и злыми, а других – хорошими, симпатичными и полезными, а я не сужу о них, следовательно, с безусловной естественной точки зрения, с точки зрения относительной, сугубо человеческой, с точки зрения их отношений со мной. Я признаю, что одни мне неприятны, вредны и что, напротив, другие мне приятны, полезны. Но не делают ли все в действительности то же самое в суждениях, которые каждый высказывает о людях? Человек, относящийся к социальной разновидности, которую называют бандитами, ворами, провозгласит себя Мандарином и Троппманном как первым человеком мира; дипломаты и защитники палаша вне себя от радости, говоря о Наполеоне III или о Бисмарке; священники обожают Лайолу; идеалом буржуа выступает либо Ротшильд, либо Тьер. Потом есть еще смешанные разновидности, которые своих героев ищут в людях сомнительных с менее резко очерченным характером: Оливье, Жюль Фавр. Одним словом, каждая социальная разновидность обладает нравственной меркой, которая ей присуща и которую она прилагает ко всем людям, когда судит о них. Что касается мировой человеческой мерки, то она пока существует для всех лишь как банальная

фраза, и притом никто не думает ее применять действительным и серьезным образом.

Но существует ли в действительности этот общий закон человеческой нравственности? Да, он несомненно существует. Он основывается на самой природе человека, но не как исключительно индивидуального существа, а как существа общественного; он составляет в сущности природу и, следовательно, также истинную цель всего развития человеческого общества, и он существенно отличается от теологической, метафизической и юридической нравственности тем, что он ни в коей мере не есть мораль личная, но мораль общественная. Я вернусь еще к этому, когда буду говорить об обществе.

Очевидно, что идея человеческой ответственности, идея совершенно относительная, неприменима к человеку, взятому отдельно и рассматриваемому в качестве естественного индивида вне коллективного развития общества. Рассматриваемый как таковой перед лицом мировой причинности, в лоне которой все, что существует, есть одновременно следствие и причина, творец и продукт, каждый человек в любой момент своей жизни представляется нам как существо безусловно определенное, неспособное разорвать или только прервать мировое течение жизни, и, следовательно, как существо, стоящее вне всякой юридической ответственности. Человек со всем этим самосознанием, которое порождает в нем мираж мнимой спонтанности, несмотря на разум и волю, которые суть необходимые условия его свободы по отношению к внешнему миру, включая окружающих его людей, этот человек, как и все животные на земле, остается тем не менее безусловно подчиненным мировой фатальности, царящей в природе.

Как я уже сказал, способность мыслить и способность желать суть совершенно формальные способности, которые не подразумевают непременно и всегда одна – истину, а другая – благо. История дает нам пример многих очень сильных мыслителей, которые говорили вздор. В их число и сегодня еще входят все теологи, метафизики, юристы, экономисты, спиритуалисты и идеалисты всех мастей прошлого и настоящего. Всякий раз, когда какой-нибудь мыслитель, каким бы сильным он ни был, будет рассуждать, опираясь на ложные основания, он обязательно придет к ложным выводам, и эти выводы станут тем более чудовищными, чем больше у него будет силы для того, чтобы развивать их.

Что такое истина? Это правильное определение вещей и фактов, их развития или их естественной логики, которая проявляется в них. Это по возможности более строгое соответствие движения мысли движению действительного мира, который есть единственный предмет мысли. Следовательно, всякий раз, когда человек будет рассуждать о вещах и фактах, не интересуясь их действительными отношениями или действительными условиями их развития и их существования, или когда он будет строить свои теоретические спекуляции относительно вещей, которые никогда не существовали, о фактах, которые никогда не могли случиться и которые имеют совершенно вымышленное, совершенно фиктивное существование в невежестве и в исторической тупости прошлых поколений, он непременно будет молоть вздор, каким бы сильным мыслителем он ни был.

Так же обстоит дело с волей. Опыт доказывает нам, что сила воли далеко не всегда бывает силой блага: самые преступные, в высшей степени зловредные люди иногда бывают одарены наивысшей силой воли; но, с другой стороны, мы, увы, достаточно часто видим

людей превосходных, хороших, справедливых, полных доброжелательных чувств, но лишенных этой способности. А это доказывает, что способность желать есть совершенно формальная способность, которая сама по себе не подразумевает ни блага, ни зла. – Что такое Добро? и что такое Зло?

В момент, в котором мы оказались, продолжая рассматривать человека вне общества, как животное, целиком естественное, но более совершенно организованное, чем животные других разновидностей, и способное господствовать над ними благодаря неоспоримому превосходству своего разума и своей воли, наиболее общим и в то же время наиболее распространенным определением Добра и Зла мне представляется следующее:

Для человека, но только для человека, а не для пожираемого им животного, все, что соответствует потребностям человека, а также условиям его развития и его полного существования, – это Добро. Все, что ему противно, – это Зло*.

* Позднее мы увидим, но уже и сейчас мы знаем, что это определение добра и зла еще и ныне рассматривается всеми привилегированными классами перед лицом эксплуатируемого ими пролетариата как единственно действительное, как единственно серьезное и приемлемое определение.

Если считать доказанным, что воля животного, включая волю человека, – это целиком формальная способность, которая, как мы увидим позже, может посредством знания, приобретаемого человеком из законов природы и только строго подчиняясь им в своих действиях, изменять до известной степени как отношения человека с окружающими его вещами, так и отношения этих вещей между собой, но не порождать их и не творить самую суть животной жизни; если считать доказанным, что как только совершенно относительная сила воли окажется перед лицом единственно существующей безусловной силы, силы мировой причинности, она тотчас представится как безусловное бессилие или как относительная причина относительно новых определенных и порожденных той же самой причинностью относительных действий, то, очевидно, не в этой силе и не в воле животного, но в мировой и фатальной взаимосвязи вещей и существ мы должны искать мощную движущую силу, которая творит животный и человеческий мир.

Эту движущую силу мы не называем ни разумом, ни волей, так как в действительности у нее не было и не могло быть никакого самосознания, никакой детерминации, ни собственного решения и сама она не есть даже единственное в своем роде, невидимое, субстанциональное сущее, как его представляют себе метафизики, но сам продукт и, как я уже говорил, вечно воспроизводимая Равнодействующая всех превращений существ и вещей в Мироздании. Одним словом, это – не идея, но мировой факт, по ту сторону которого мы ничего не можем постичь; этот факт ни в коем случае не есть неизменное Сущее, но, напротив, это вечное движение, проявляющееся, формирующееся бесконечностью относительных действий и противодействий: механических, физических, химических, геологических, растительных, животных и человеческих, социальных. В качестве постоянной равнодействующей этого сочетания бесчисленных относительных движений эта мировая движущая сила столь же всемогуща, сколь и бессознательна, фатальна и слепа.

Она творит миры и в то же самое время всегда она – их продукт. В каждом царстве нашей земной природы она проявляется посредством особых законов или особых способов развития. Так, в неорганическом мире, в геологической формации земного шара она представляется как действие и непрерывное противодействие механических, физических и химических законов, которые, по-видимому, сводятся к одному основному закону: закону тяготения, или движения, или материального тяготения, по отношению к которому все остальные законы представляются лишь как различные проявления или различные превращения. Как я уже заметил выше, эти законы суть общие законы в том смысле, что они охватывают все происходящие на земле явления и направляют как отношения и развитие органической, растительной, животной и социальной жизни, так и отношения неорганической совокупности вещей.

В органическом мире та же самая мировая движущая сила проявляется посредством нового закона, который основывается на совокупности этих общих законов и который, несомненно, есть не что иное, как новое превращение, тайна которого до сих пор от нас ускользает, но который есть особый закон в том смысле, что он проявляется только в живых существах: растениях и животных, включая человека. Это закон питания, который состоит, если воспользоваться собственными выражениями Огюста Конта: «1) во внутреннем поглощении питательных материалов, почерпнутых из окружающей системы, и их постепенной ассимиляции; 2) в выделении вовне молекул, как только они станут инородными, которые непременно дезассимилируются по мере того, как происходит это питание»*.

* Comte Auguste. Cours de philosophic positive, t. III, p. 464.

Этот закон – особый закон в том смысле, как я уже сказал, что он неприменим к вещам неорганического мира, но он есть общий и основной закон для всех живых существ. Именно вопрос о питании, великий вопрос общественной экономии, составляет действительную основу всего последующего развития человечества**.

** «Бесспорно, что у громадного большинства существ, живущих животной жизнью, эта жизнь состоит лишь в простом дополнительном совершенствовании, в надстройке, если можно так выразиться, органической (растительной) или основной жизни; она пригодна лишь для того, чтобы либо добывать на жизнь посредством неосознанной, реакции, на внешний мир, либо для того даже, чтобы подготавливать или облегчать свои действия (пищеварение, поиск и выбор пищи) посредством ощущений, различных передвижении и иннервации, либо, наконец, для того, чтобы наилучшим образом предотвращать неблагоприятные влияния. Самые развитые животные, и особенно человек, суть единственные в своем роде, у кого эта общая реакция может до некоторой степени казаться испытывающей полную инверсию и у кого растительная жизнь должна казаться, напротив, предназначенной по существу для поддержания животной жизни, ставшей по видимости главной целью и преимущественной чертой органического существования. Но в самом человеке эта странная инверсия общего порядка живого мира начинает становиться понятной лишь с помощью очень заметного развития разума и общительности, которая имеет тенденцию все более и более искусственно превращать (в теории Огюста Конта – очень аристократично в том смысле, что небольшое число привилегированных интеллектов, которых, естественно, поддерживает и кормит мускульный труд масс, должно управлять, по

его мнению, остальной частью человечества) вид в один огромный и вечный индивид, одаренный способностью к постоянно прогрессивному воздействию на внешнюю природу. Только с этой точки зрения можно правомерно рассматривать это свободное и систематическое подчинение растительной жизни жизни животной как идеальный тип, к которому непрерывно стремится цивилизованное человечество, хотя он никогда не должен быть полностью осуществлен... Основы и начало существенных свойств человечества должны, бесспорно, быть заимствованы социальной наукой из биологической науки...» «Даже по отношению к человеку биология, ограниченная исключительным изучением индивида, должна строго придерживаться первоначального понятия животной жизни, подчиненной жизни растительной, как общего закона органического царства, единственное видимое исключение из которого составляет специальный предмет совершенно другой основной науки (социологии). В этой связи нужно, наконец, добавить, что а высших организмах только органическая жизнь, кроме того, что она составляет одновременно их основу и цель, остается еще целиком общей всем различным, клеткам, из которых эти организмы состоят, и в то же самое время только она осуществляется непременно непрерывным образом, тогда как животная жизнь, напротив, является по существу прерывистой» {Auguste Comte. Cours de philosophie positive, t. III, pp. 207-209}.

В собственно животном мире та же самая мировая движущая сила воспроизводит этот родовой закон питания, присущий всему организованному на земле, в особой и новой форме, сочетая его с двумя свойствами, которые отличают всех животных от всех растений: свойствами чувствительности и раздражимости, являющимися с очевидностью материальными способностями, по отношению « которыми так называемые идеальные способности – способность чувства, называемая нравственностью, а также способность разума и воли, – очевидно, суть не что иное, как наивысшее их выражение или их последнее превращение. Эти два свойства, чувствительность и раздражимость, встречаются только у животных; у растений они не встречаются: в сочетании с общим для тех и других основным законом всякого живого организма, законом питания, они образуют посредством этого сочетания особый родовой закон всего животного мира. Для пояснения этого сюжета я процитирую еще несколько высказываний Огюста Конта:

«Никогда не следует терять из виду двойной глубокой связи животной жизни с жизнью органической (растительной), которая постоянно составляет для нее предварительную необходимую основу и в то же время ее общую, не менее необходимую цель. Ныне нет нужды настаивать на первом пункте, который вполне выявлен здоровым физиологическим анализом; сейчас признано, что для того, чтобы питаться и чувствовать, животное должно сначала жить в самом простом значении этого слова, то есть произрастать, и что всякое полное прекращение этой растительной жизни с необходимостью имеет своим следствием одновременное прекращение жизни животной. Что касается второго аспекта, который до сих пор гораздо менее выяснен, то каждый может легко признать – либо применительно к явлениям раздражимости, либо применительно к явлениям чувствительности, – что они по сути дела на любом уровне животной шкалы направляются общими потребностями органической жизни, основной образ действия которой они совершенствуют, либо тем, что обеспечивают для нее лучшие материалы, либо тем, что предвидят или устраняют неблагоприятные влияния: сами умственные и нравственные функции не имеют обычно никакого другого первоначального назначения. Если бы раздражимость не имела такого

общего предназначения, она непременно выродилась бы в беспорядочное возбуждение, а чувствительность – в смутное созерцание: и тогда либо одно, либо другое разрушило бы вскоре организм посредством чрезмерного его упражнения или же они спонтанно атрофировались бы из-за отсутствия надлежащей стимуляции. Только в человеческом роде, причем достигшем высокой степени цивилизации, возможно постигнуть своеобразную инверсию этого основного порядка, если представить себе вегетативную жизнь как по сути дела подчиненную животной жизни, которая единственно и предназначена для того, чтобы вызывать развитие, что, как мне кажется, составляет самое благородное понятие, которое могло бы образоваться о человечности в собственном смысле слова, отличном от животного состояния: такое превращение становится возможным, если мы не хотим впасть в очень опасный, мистицизм, лишь постольку, поскольку посредством успешного отвлечения на род в целом или по крайней мере на общество переносят первоначальную цель (цель питания и самосохранения), которая применительно к животным ограничивается индивидом или распространяется по крайней мере в настоящее время на род»*.

* Auguste Comte. Cours de philosophie positive, t. III, pp. 493-494.

В заметке, которая следует сразу же за этим пассажем, Огюст Конт добавляет:

«В наше время философ метафизическо-теологической школы претендовал на характеристику человека посредством такой звонкой формулы: Разум, пользующийся органами... Обратное определение было бы, очевидно, намного истиннее, особенно применительно к первобытному человеку, не усовершенствованному очень развитым общественным состоянием... Какой бы стадии ни достигла цивилизация, всегда только у небольшого числа избранных людей разум сможет добиться, в целом организме, достаточно явного преобладания, с тем чтобы действительно стать существенной целью всякого человеческого существования, вместо того чтобы служить простым инструментом, основным средством для наилучшего удовлетворения главных органических потребностей; а это, если отвлечься от всяких пустых декламации, как раз то, что несомненно характеризует самый ординарный случай»*.

* Очевидно, что этими словами Огюст Конт подготавливает основы для своей социологической и политической системы, которая, как известно, увенчивается идеей управления массами – фатально приговоренными, по его мнению, к тому, чтобы никогда не выйти из ненадежного состояния пролетариата, – посредством своего рода теократии, состоящей из жрецов, – не религии, но науки, или посредством того небольшого числа избранных людей, столь удачно организованных, что полное подчинение материальных интересов жизни идеальным или трансцендентным занятиям ума, выступающего *prim desiderium* осуществления невозможного для массы людей, становится у них действительностью. Этот практический вывод Огюста Конта покоится на очень ложном наблюдении. Совершенно неправильно утверждать, что в любую историческую эпоху массы заняты исключительно своими материальными интересами. Их можно было бы, напротив, упрекнуть в том, что они до сих пор ими слишком пренебрегали, слишком легко посвящали себя платонически идеальным тенденциям, отвлеченным и фиктивным интересам, которые всегда рекомендовались их вере теми избранными людьми, которым Огюст Конт столь великодушно дарует исключительное управление человечеством. Такими были тенденции и

интересы религиозные, патриотические, национальные и политические, включая интересы исключительно политической свободы – очень реальные для привилегированных классов и всегда полные иллюзий и разочарований для масс. Несомненно огорчительно, что массы всегда тупо доверялись всем официальным и официозным шарлатанам, которые с очень корыстной в большинстве случаев целью убеждали их пожертвовать их материальными интересами. Но эта тупость объясняется их невежеством, и кто сомневается в том, что массы еще и сегодня исключительно невежественны? Но что неверно утверждать, так это то, что массы менее способны стать выше своих материальных забот, чем другие классы общества, чем ученые, например. Разве то, что мы видим ныне во Франции, не дает нам доказательство противного? Где вы найдете в этот час истинный патриотизм, способный на любую жертву? Конечно, его не будет в буржуазной ученой среде, он есть только в пролетариате городов; но, однако, родина – добрая мать только для буржуазии, а для рабочего она всегда была мачехой.

Без всякого преувеличения я могу сказать, что гораздо больше действительного идеализма, в смысле бескорыстия и самопожертвования, имеется в народных массах, чем в каком-либо другом классе общества. То, что этот идеализм чаще всего принимает странные формы, что он сопровождается большой слепотой и прискорбной тупостью, этому не стоит удивляться. Благодаря правлению избранных народ повсюду погружен в крайнее невежество. Буржуа очень презирают народ за его религиозные верования; они должны были бы презирать его также за его политические верования, ибо глупость в одном отношении стоит глупости в другом отношении, а буржуа используют и то и другое. Но вот что буржуа не понимают: то, что народ, который из-за отсутствия науки и сносного существования продолжает верить в догмы теологии и упиваться религиозными иллюзиями, проявляет себя тем самым более идеалистическим и если не более умным, то более разумным, чем буржуа, которые, ни во что не веря, ни на что не надеясь, довольствуются своим обыденным, исключительно жалким и ограниченным существованием. Религия, как и теология, есть несомненно большая глупость, но как чувство и как стремление она есть дополнение и своего рода компенсация – несомненно очень иллюзорная – убожества угнетенного существования, а также очень действительный протест против этого повседневного угнетения.

Следовательно, она есть доказательство естественного, умственного и нравственного богатства человека и необъятности его инстинктивных желаний. Прудон был прав, когда говорил, что социализм не ставит другой задачи, кроме как рационально и действительно реализовать на земле иллюзорные и мистические обещания, осуществление которых отослано религией на небо. Эти обещания сводятся к следующему: благосостояние, полное развитие всех человеческих способностей, свобода в равенстве и в мировом братстве. Буржуа же, который, утратив религиозную веру, не становится социалистом (а за немногими исключениями, это относится ко всем буржуа), тем самым приговаривает себя на жалкую умственную и нравственную посредственность; и во имя этой посредственности буржуазия требует управления массами, которые, несмотря на свое прискорбное невежество, так бесспорно превосходят ее инстинктивным благородством ума и сердца!

Что касается ученых, этих привилегированных блаженных Огюста Конта, то я должен сказать, что нельзя было бы вообразить себе ничего более прискорбного, нежели судьба общества, управление которым было бы передано в их руки; это объясняется многими причинами, о которых у меня будет повод сказать ниже и которые я здесь только

перечислю: 1) достаточно обеспечить ученому, одаренному наибольшим талантом, привилегированную позицию, чтобы парализовать или по крайней мере понизить и извратить его ум, сделав его практически со-заинтересованным в поддержании как политической, так и социальной лжи. Достаточно принять во внимание поистине жалкую роль, которую играет в настоящее время огромное большинство ученых в Европе во всех политических и социальных вопросах, которые волнуют общественное мнение, чтобы убедиться: привилегированная и патентованная наука превращается почти всегда в патентованные глупости и низости, и это происходит потому, что ученые совершенно неотделимы от своих материальных интересов и жалких забот о своем личном тщеславии. Видя то, что происходит ежедневно в мире ученых, можно даже утверждать, что из всех человеческих занятий наука обладает особой привилегией развивать в людях самый утонченный эгоизм и наиболее свирепое тщеславие; 2) из очень небольшого числа ученых, которые действительно отделены от всех преходящих забот и всякого преходящего тщеславия, немногие, очень немногие не запятнаны большим пороком, который может уравновесить все другие достоинства; этот порок – надменность разума и глубокое, скрытое или открытое, презрение ко всему тому, что не столь же учено, как они. Общество, которое управлялось бы учеными, было бы поэтому правлением презрения, то есть наиболее подавляющим деспотизмом и наиболее унижительным рабством, которое человеческое общество могло бы выдержать. Это было бы также непременно правлением глупости, так как нет ничего более тупого, чем гордящийся самим собой ум. Одним словом, это было бы вторым изданием правления жрецов. И кроме того, как практически установить правление ученых? Кто их будет назначать? Это будет народ? Но он – невежествен, а невежество не может стать судьей науки ученых. Значит, это будут академии? Тогда можно быть уверенным, что будет правление ученой посредственности, ибо не было еще ни одного примера, чтобы академия сумела оценить гениального человека и отдала ему справедливость при его жизни. Академии ученых, как церковные соборы и конклавы, канонизируют своих святых лишь после их смерти; и когда они делают исключение для живого, будьте уверены, что этот живой – великий грешник, то есть дерзкий интриган или глупец.

Будем же любить науку, уважать искренних и серьезных ученых, выслушивать с большой признательностью наставления и советы, которые они • с высоты своего трансцендентного знания желают нам дать; будем, однако, принимать их только при условии, что они вновь и вновь будут пропускаться через нашу собственную критику. Но во имя спасения общества, во имя нашего достоинства и нашей свободы, а также ради спасения их собственного ума никогда не предоставим им среди нас ни привилегированного положения, ни привилегированных прав. Для того чтобы их влияние на нас было полезным и истинно благотворным, нужно, чтобы это влияние не имело иного оружия, кроме равным образом свободной для всех пропаганды, а также нравственного убеждения, основанного на научной аргументации.

К этому размышлению добавляется другое очень важное размышление. Различные функции, которые мы называем способностями животных, ни в коей мере не таковы по природе, чтобы для животного было необязательно упражнять их или совсем не упражнять; все эти способности суть существенные свойства, необходимости, присущие организации животного. Различные виды, роды и классы животных отличаются друг от друга либо

полным отсутствием какой-либо способности, либо преобладающим развитием одной или нескольких способностей в ущерб всем остальным. Даже внутри каждого вида, рода и класса животных все индивиды не в равной степени удачны. Совершенный экземпляр – это экземпляр, в котором все отличительные органы разряда, к которому индивид относится, оказываются гармонически развитыми. Отсутствие или слабость одного из этих органов составляют недостаток, и, когда это – существенный орган, индивид является уродом. Уродство или совершенство, достоинства или недостатки – все это дано индивиду природой, он получает все это при рождении. Но с момента, когда эта способность существует, она должна упражняться, и, пока животное не достигло возраста своего естественного нисхождения, она непременно стремится развиваться и упрочиваться посредством того повторяемого упражнения, которое составляет привычку, основу всякого животного развития; и чем больше она развивается и упражняется, тем больше она становится в животном непреодолимой силой, которой оно должно повиноваться.

Иногда случается, что болезнь или внешние обстоятельства, более сильные, чем это фатальное стремление индивида, мешают упражнению и развитию одной или нескольких из его способностей. Тогда соответствующие органы атрофируются, и весь организм оказывается пораженным большим или меньшим страданием в зависимости от значения этих способностей и их соответствующих органов. Индивид может от этого умереть, но, пока он живет, пока у него еще остаются способности, он должен их упражнять под угрозой смерти. Следовательно, он ни в коей степени не хозяин всего, он, напротив, его невольный агент, раб. Именно универсальная движущая сила, или комбинация причин, которые определяют и производят индивида, включая его способности, действует в нем и посредством него. Именно самая эта мировая бессознательная, фатальная и слепая Причинность, эта совокупность механических, физических, химических, органических, животных и социальных законов, побуждает всех животных, включая человека, к действию и является истинным, единственным творцом животного и человеческого мира. Являясь во всех органических и живых существах как совокупность способностей или свойств, из которых одни присущи всем, а другие – только отдельным видам, родам или классам, она составляет в действительности основной закон жизни, и навязывает каждому животному, включая человека, фатальную тенденцию к осуществлению ради самого себя всех жизненных условий своего собственного вида, т. е. тенденцию к удовлетворению всех своих потребностей. Как живой организм, одаренный двойным свойством – чувствительности и раздражимости – и как таковой испытывающий то страдание, то удовольствие, всякое животное, включая человека, вынуждено своей собственной природой прежде всего есть и, пить, а также приводить себя в движение как ради поиска для себя пищи, так и для того, чтобы повиноваться высшей потребности своих мускулов; оно вынуждено беречь свое здоровье, укрываться, защищаться от всего, что ему угрожает в его питании, в его здоровье, во всех условиях его жизни; оно вынуждено любить, совокупляться и размножаться; оно вынуждено размышлять в меру своих умственных способностей при условиях своего сохранения и своего существования; оно вынуждено желать для самого себя все эти условия; направляемое своеобразным предвидением, основанным на опыте, предвидением, которого не лишено совершенно ни одно животное, оно вынуждено работать в меру своего разума и своей мускульной силы, с тем чтобы застраховать себя на более или менее отдаленное будущее.

Фатальная и непреодолимая во всех животных, не исключая самого цивилизованного человека, эта настоящая и основная тенденция жизни составляет основу даже всех животных и человеческих страстей: инстинктивная, можно сказать почти что механическая в самых низших организмах, более осмысленная в высших видах, она достигает полного самосознания только в человеке, так как только человек, одаренный в высшей степени столь драгоценной способностью сочетать, группировать и полностью выражать свои мысли, только человек, способный ж отвлечению в своем мышлении от внешнего мира и даже от своего собственного внутреннего мира, способен возвыситься до всеобщности вещей и существ и с высоты этого отвлечения, рассматривая самого себя как объект своего собственного мышления, он может сравнивать, критиковать, упорядочивать и подчинять свои собственные потребности, никогда не имея, естественно, возможности выйти за пределы жизненных условий своего собственного существования; это позволяет ему, несомненно в очень ограниченных пределах и не имея возможности ничего изменить в мировом и фатальном течении действий и причин, определять отвлеченно-рассудочным образом свои собственные деяния и дает ему по отношению к природе ложную видимость совершенной спонтанности и совершенной независимости. Освещенный наукой и направляемый отвлеченно-рассудочной волей человека, животный труд, или же активность, фатально навязанная всем живым существам как основное условие их жизни, – активность, которая направлена на изменение внешнего мира в соответствии с потребностями каждого и которая проявляется в человеке с той же фатальностью, что и в последнем животном на земле, – превращается тем не менее для сознания человека в искусный и свободный труд.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 21 июня 2025 21:53:44

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 июня 2025 21:54:30